

1-9 ФЕВ 1986

ТРУД
Москва

СВОЕ место в искусстве Демидова утвердила первыми же работами. Было ясно, что на экран, на сцену пришла личность — художник со своей темой, со своим отношением ко всему, о чем она говорит зрителю.

Эта ранняя художническая зрелость объяснима и складом личности актрисы, и тем, что путь ее в профессиональное искусство был непростым и нескорым. Демидова окончила Московский университет, вела семинар по политэкономии на философском факультете, играла в студенческом театре, спектакли которого в тогдашней театральной жизни Москвы были явлением заметным. Этой зрелости способствовала и сама атмосфера тех лет...

В кино Демидова вошла ролью Поэта. Первый же кадр, в котором мы увидели ее, — крупно, во весь экран, лицо героини «Дневных звезд», читающей свои стихи, вслушивающейся в рождающиеся в ее душе строки:

И я тобою становлюсь,
эпоха,
И ты через сердце мое
говоришь...

Прообразом героини была Ольга Берггольц, но Демидова играла не просто конкретный характер, судьбу — она представляла на экране как человек, несущий в себе трагедию и великие надежды своего времени, разделенный со страной все, что выпало ей пережить. И позже Поэт и Поэзия были постоянными спутниками актрисы на сцене и экране. То, что именно ей выпало сыграть в «Иду к тебе» Лесю Украинку, объяснимо не только портретным сходством Демидовой с ее героиней, но и, очевидно, внутренним, духовным родством.

«Слово, зачем ты не стала боевая», — эти стихи Леси, прозвучавшие в прологе картины, выражали само отношение поэта (и актрисы) к сути труда художника. Слово — оружие, слово — призыв к борьбе, к противостоянию, преодолению; слово — дело, ради которого живет художник, вкладывает в него душу, отдает, как дар, людям. Образы Ольги и Леси — ближайшие Демидовой по духовному складу, наложившие, пожалуй, печать на все ею сыгранное.

Вот давнее высказывание Демидовой, записанное еще тогда, когда ее чеховские роли в Театре драмы и комедии на Таганке не существовали даже в отдаленном проекте: «Почему у нас редко получаются чеховские образы на сцене? Потому что к Чехову подходят как к драматургу. И каждый образ решают, как отдельный характер. А надо подходить к Чехову, как к поэту. Любая его пьеса — это лирический монолог поэта. Образ поэта заложен — стержнем — во всей пьесе, и потому каждый характер в ней не сам по себе — в каждом нерв лирического героя».

Позднее, сыграв Раневскую в «Вишневом саде», Машу в «Трех сестрах», Демидова самими ролями докажет правильность такого подхода. Ее чеховские героини — не сольные создания «примы», но глубоко и точно понятая часть общего заложенного в пьесе высказывания о времени, чеховском и сегодняшнем, о жизни, надеждах, которые всегда ищет себе человеческое сердце, о вере, без которой или хотя бы без поисков которой существование лишено смысла...

Демидова — лирическая героиня всего сыгранного ею в кино и на сцене, ее роли — продолжающийся лирический монолог. В них развиваются темы ее творчества, ее любовь и ненависть, ее ощущение сегодняшнего дня и своего в нем места. Она актер-поэт.

Демидову называют умной актрисой. Но подчас в этом не только дань уважения, а и потаенное осуждение. Актеру, а тем более актрисе — таково расхо-

жее суждение — умным быть не обязательно, а то и вредно (с точки зрения, видимо, «эмоциональной заразительности...») Иных режиссеров это даже отпугивает от работы с Демидовой.

В основе подобных суждений — изначальная ошибка. «Умный» совсем не значит «умствующий» или «рассудочный». Слова «ум» и «страсть» вовсе не взаимоисключающие: есть страсть разума, и температуру этой страсти нетрудно почувствовать по ролям актрисы. По той же Ольге из «Дневных звезд». По Марии Спиридоновой

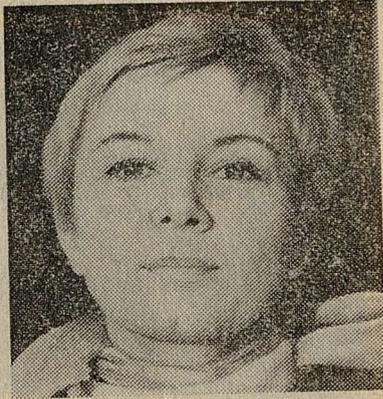
слово, поиски ответа на извечные толстовские вопросы: «Кто мы? откуда? зачем?».

Сейчас, мне думается, прежние вопросы встают иначе, обращены острее не к «мы», а к «я»: «кто я? что я? как мне с людьми? как мне с миром?» Живые проблемы, о которых можно и нужно говорить, есть, а язык выразительных средств для них не найден. Форма прежняя. Та раскаленная лава душевного состояния, которой зачастую так пофюрлял Высоцкий, и сегодня необходима актеру. Но, видимо, выражение того же эмоционального состоя-

ЗНАКОМЫЕ ИМЕНА

Алла Демидова

Среди многих актрис, театральных и кинематографических, Аллу Демидову выделяет какая-то труднообъяснимая властная магия, приковывает к себе внимание уже само ее появление в лубой из ролей...

из «Шестого июля», поражающей и силой иступленной преданности своей идее (ложной), и ограниченностью, рожденной той же поглотившей все устремленностью...

Так уж случилось («виной» тому — прекрасное свойство актрисы ощущать дыхание времени, да и сама атмосфера тех лет, когда она пришла в искусство, настраивала на слитность с этим дыханием), что Демидова с первых своих ролей оказалась весьма чутким выразителем настроений, нравственного опыта своего поколения. Любая ее роль, будь то наша современница (Женя в «Степени риска»), Катя в «Ты и я», актриса в «Визите вежливости») или героиня репертуара классического — Лиза в «Живом трупе», Гертруда в «Гамлете», Эльмира в «Тартюфе», — пронизана отношением к ней человека поколения 60-х, теми чувствами, мыслями, которыми он сам жил в то время.

Пожалуй, последние годы не дали актрисе ролей, которые стали бы ровнем с теми «пиканциями», которыми отмечена ее дорога в искусстве. Ни Раневская в возобновленном «Вишневом саде», живущая ощущением разверзающейся перед ней бездны, ни вкрадчивая хищница Элина из «Прекрасного воскресенья для пикника» Теннесси Уильямса, при всей профессиональной отточенности, мастерском воплощении этих характеров, не прозвучали со сцены как открытие. А от работ Демидовой хочется ждать именно открытия...

Актриса сама знает, что это так. Знает, что и у некоторых ее коллег на сценах других театров дело тоже обстоит не самым благополучным образом. Есть серьезные работы — нет свершений. Есть удачи — нет потрясений. Как пробиться к тому, что захватит зрительный зал, поведет его за собой?

— В 60-е годы, — говорит Демидова, — зрителя увлекала прежде всего яркая сценическая форма, это было ново, это впечатляло. В середине 70-х зритель интересовало уже другое — острое, задававшее за живое

ния должно быть уже иным. Эмоциональный возглас сегодня уже не прозвучит так, как прежде, может даже вызвать обратную реакцию. Тенденция — к спокойному, очень доказательному, целенаправленному разговору со зрителем. Но чтобы это вылилось в приносящий удовлетворение результат, нужно счастливое совпадение очень многих обстоятельств.

Демидова последние годы нечасто появляется в кино. От многих ролей отказывается: уже было, уже сыграно. Зритель это уже знает — ничего нового сказать ему не удастся. И в то же время актриса по-прежнему постоянно в работе. Играет на сцене. Пишет об актерской профессии. Вслед за книгой «Вторая реальность», ставшей уже библистическим раритетом, вышли ее статьи о Высоцком, готовится к печати книга о Смоктуновском. И самое важное, самое интересное в ее нынешней работе — циклы поэтических программ для телевидения, для радио. Эти программы составляет она сама. Читает Блока, Цветаеву, Ахматову, Пастернака, Берггольц. С увлечением работает над Пушкиным, открывая в нем бездонное богатство постижения мира.

...Несколько лет назад я оказался на съемке Демидовой для телефильма «Пушкин и Пушкин»: она читала стихи, проходившие через всю картину рефреном к судьбам лицейских друзей. Была среди них и «Вакхическая песня», в окончательный монтаж, к сожалению, не вошедшая. Хрестоматийные, со школьной скамьи заученные строки. «Да здравствует солнце! Да скроется тьма!» — что можно тут найти нового? Но по тому, какой упор делала Демидова на словах «да здравствует», по тому, как мучительно продирались через гортань слова, становилось физически ощутимым, какое мужество надо было иметь, чтобы, вопреки всему — гонениям, ссылке, безвременью, — славить солнце...

Через стихи Пушкина, да и всех иных, кого читает Демидова, она тоже выражает себя, свое ощущение времени.

А. ЛИПКОВ.

13
366